

ПЕРСОНА ВЕКА

У него карие глаза и посеребренные сединами виски. Каждое утро он пудрит волосы сухим шампунем («выравнивает цвет и предохраняет от загрязнения»), завязывает их на затылке («единственная возможность оставаться весь день причесанным при выходящих волосах»), облачается в темный костюм, повязывает галстук («ежедневно с одиннадцати лет») и надевает затемненные очки («старый трюк, позволяющий наблюдать, не привлекая внимания»), отгораживающие его от мира. Снарядившись таким образом, он готов к выходу. Выдающийся стилист (работающий для фирм «Шанель», «Фенди» и для себя самого), известный фотограф, ненасытный коллекционер (домов и мебели), неуемный критикан, очаровательный собеседник и неутомимый читатель, Карл Лагерфельд, этот высокообразованный псевдодилетант, еще и актер, тщательно выбирающий, где именно приоткрыть завесу своей жизни.

Он появился на свет в 1938 году долгожданным наследником мужского пола не слишком молодой супружеской чаты. Его отец, швед по происхождению, подарил Европе концентрированное молоко «Глория». Жившая к северу от Гамбурга семья мало пострадала во время войны: хватало и денег, и еды. Из прогулок в полях он вынес неожиданную любовь к коровам, в особенности к одной, по кличке Текла. Наделенный силь-

ным характером и развитым чувством превосходства, маленький Карл терпеть не мог сверстников; теперь же, хотя ему по-прежнему нравится возбуждать ненависть к себе («в этом случае при личной встрече люди бывают приятно удивлены»), и он не может отказать себе в удовольствии ранить кого-нибудь хлестким словом.

Он помнит, как однажды в

ставляют основной костяк его окружения. В прошлом году он увел у Джона Галльяно его музу леди Аманду Гарлех, которая теперь помогает ему во время показов коллекций у «Шанель».

Что бы там ни говорили, строгая любовь матери, не позволяющей малышам держаться за юбку, приносит пользу. Карл Лагерфельд зубрил французский что было сил, прогуливал уроки, чтобы посмотреть

ность оставаться на нижней ступени лестницы заставляет его ускоренно проходить обучение. В двадцать лет меланхолический темноволосый красавец становится художественным директором фирмы «Пату». А еще через пять лет увлекается «pret-a-porter» — готовой одеждой.

Здесь снова на помощь ему приходят женщины с крепкой хваткой — семейство Фенди:

Маэстро Лагерфельд

возрасте пяти лет потребовал разом лакея, запонки и картину, которую увидел в витрине антикварного магазина: она изображала Вольтера и Фридриха II за обедом в замке Сан-Суси. Такой он видел жизнь. При всей своей принципиальной анахроничности (актуальность — не его конек) Карл Лагерфельд умеет, однако, слиться с духом времени; по вечерам он почти ничего не ест (после смерти в 1989 году его друга Жака де Башера он ведет затворнический образ жизни), довольствуясь кока-колой «лайт» и японским суши, а телевидению, которое действует на него, как снотворное, предпочитает чтение журналов, которые покупает тоннами.

Привычки закладываются с ранних лет. Его родители держали культурную планку очень высоко: отец говорил на двенадцати языках, мать была скрипачкой. Но еще и сурово муштровала детей, заставляла их учить по странице словаря в день, хлопала крышкой пианино по пальцам своего недостаточно усердного, на ее взгляд, сына, заставляла его говорить быстро и постоянно твердила, что будущее принадлежит тем, кто рано встает. В свои шестьдесят лет Карл Лагерфельд бегло изъясняется на четырех языках и патологически не способен подолгу валяться в постели. Он питает слабость к женщинам с крепкой хваткой, которые и со-

фильм Дювивье «Под небом Парижа» и обогатить словарный запас, и в возрасте 15 лет получил разрешение обосноваться в Париже с одним-единственным наказом: «Только не становись танцором и священником». Он склоняется скорее к профессии иллюстратора (так он, по крайней мере, не будет раздражать чуткий материнский слух), и в 1955 году, когда учеба в школе ему уже основательно поднадоела, его способности к рисованию откры-

вают перед ним новые возможности. В метро ему попадаются на глаза афиша за подписью Грюо, приглашающая желающих принять участие в конкурсе на лучший эскиз изделия из шерсти. Он посылает на конкурс набросок пальто. А приз за лучшее платье получает его ровесник — Ив Сен-Лоран. Карл Лагерфельд поступает в фирму Бальмена, где копирует образцы («в то время еще не существовало фотокопий») вместе с четырьмя коллегами, у которых забирает всю работу. Его неспособ-

пять сестер-итальянок, вышколенных матерью, знаменитой Адель, гениальной самоучкой в области маркетинга. «Она пряталась в витрине собственного магазина, подслушивала разговоры посетителей и ими вдохновлялась», — до сих пор не перестает изумляться Лагерфельд, вот уже 35 лет остающийся верным братом дочерей Фенди.

У Лагерфельда много домов. Но чтобы чувствовать себя комфортно, ему нужны лишь бумага и книги, беспо-

рядочно набитые в сумки. «Я даже в самолете чувствую себя, как дома. Единственное место, где у меня нет этого ощущения, — это моя родина». Тем не менее он по-прежнему остается ее гражданином, хотя и не голосует. «Я был воспитан в культе Германии, какой она была до 1933 года, и потом испытал сильное разочарование», — говорит он.

Недавно он убрал в кладовку часть своей обстановки XVIII века: сейчас он настроен на строгий стиль. Его мастерскую в квартале Сен-Жермен-де-Пре (т.е. Галерею Лагерфельд, отведенную под фотографии, книги, прессу и одежду в подземном этаже) обустроил без излишеств Андре Путман, а поверх он попросил японского архитектора Тадао Андо надстроить что-то вроде часовни для его никуда не вмещающейся библиотеки.

То же стремление к четкости определяет и его видение

моды. Если раньше Лагерфельд на все подряд (от ботинок — «луноходов» до трусиков с карманами) накладывал двойное «С» ярлыка «Шанель», то теперь отказался от ярлыков, от всего броского, крикливого и сосредоточился на архитектуре одежды, рискуя тем самым отпугнуть клиентов, помешанных на костюмах из розового твида. Он ищет современный шик в соответствии с доктриной самой Коко, к которой он, надо сказать, относится без почтения, как, впрочем, и к другим модельерам. Особенно когда они строят из себя мучеников. Он считает делом чести никогда не обнаруживать своих душевных переживаний. Может, именно их он скрывает за постоянной активностью, может, перенасыщенный распорядок дня служит ему надежной броней? Знает ли кто-нибудь всю правду? «Никто. Кто знает, тех уж нет». Черные глаза за темными стеклами очков на мгновение вспыхивают.